

Андрей Климов
Светлана Климова

*Тайна старого
особняка*

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КЛУБ СЕМЕЙНОГО ДОСУГА

Харьков
2011

ББК 84.4УКР
К49

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Дизайнер обложки Александра Луценко

ISBN 978-966-14-1614-6 (PDF)

© Климовы С. и А., 2008
© Книжный Клуб «Клуб
Семейного Досуга», из-
дание на русском языке,
2009, 2011
© Книжный Клуб «Клуб
Семейного Досуга», ху-
дожественное оформле-
ние, 2009

Коммуналки закончились вместе с двадцатым веком. Под флейерверки миллениума.

Наши дом оказался в числе последних — может быть, потому, что, строго говоря, коммуналкой и не являлся. Просто он был слишком плотно заселен, некоторых удобств не доставало, а те, что имелись в наличии, никуда не годились. Возможно, причина и в том, что никому даже в голову не приходило, что импозантный, пусть и несколько обветшавший двухэтажный особняк на центральной улице, возведенный лет сто назад в модном в ту пору среди местного купечества стиле, еще не обрел хозяина и битком набит разномастным людом.

Соседние здания, между которыми втиснулся наш особнячок с его известной всему городу березкой, выросшей в щели между кирпичами высоко на фронтоне, давным-давно освоены. Фасад дома старых большевиков, обычно наводивший на мысли о скромном гробе и прощальной церемонии с участием официальных лиц и почетного караула, преобразила шеренга роскошных магазинов, сверкающих никелем, стеклом и мрамором, а в первом этаже школы для глухих (уцелела в нашем городе и такая) открылся ресторан «Киншаса», чьи окна всегда наглухо заблокированы бронированными жалюзи. «Киншаса» не доставляла нам особых хлопот — ее посетители, в большинстве темнокожие джентльмены в светлых костюмах, вели себя смирно, и уж конечно никаких тамтамов среди ночи.

К этому времени поток транспорта на центральной улице обычно редееет и становится слышно, как жужжат

неоновые вывески справа и слева от темного фасада нашего дома. Что-то вроде растревоженного осинового гнезда — и от этого электрического зуда возникало необъяснимое напряжение, в котором слышалась также и глухая угроза. Не то чтобы нам в самом деле угрожали или указывали на нашу житейскую неприспособленность и бестолковость, но что-то такое чувствовалось, факт.

Чему, собственно, удивляться? За последние годы мы стали свидетелями неслыханных перемен, одна другой круче. И уж если советская власть оттяпала наши особняк у владельца и расчленила на комнаты, клетушки и углы, почему бы ему в один прекрасный день снова не стать частной собственностью?

Кстати, я до сих пор подозреваю, что представители этой власти были идеалистами высшей пробы и до самой ее кончины верили, что имеют дело с людьми, у которых сразу ниже пояса начинаются голенища кирзовых сапог. Их представления о гигиене озадачили бы даже первобытных охотников. Не исключая, что именно поэтому в нашем особняке по одному туалету на этаж. Там, в тусклом мерцании пятнадцативаттной лампочки в железном наморднике, вечно журчит вода из потного бачка, а вместо унитаза — облупленная чугунная лохань со смрадной дырой посредине. В чугуне же отлито и нечто вроде рифленых подошв древнего исполина, на которые следует с опаской встать, если хочешь без промаха воспользоваться удобством.

О ванной, на двери которой до сих пор висит замусоленный график посещений, я просто умолчу.

Несмотря на это, я настаиваю: коммуналкой наш дом считать не следует. Просторные помещения особняка с потолками, теряющимися в туманных высотах, с лепниной и ореховым паркетом, были в разное время поделены перегородками где на две, а где и на три комнатенки, туда

же втиснулись карликовые кухни, и у каждого образовался изолированный ареал обитания, откуда людей могли выгнать только основные потребности: нужда в хлебе, любви, зрелищах и, наконец, в общении. То есть в том, что сейчас к месту и не к месту называют коммуникациями.

Мне здесь принадлежала большая комната на втором этаже с парой итальянских окон, выходящих во двор, и поскольку жил я теперь один, все в ней соответствовало моим вкусам, предпочтениям и роду занятий. В том числе и беспорядок, который, за исключением легкого слоя пыли и следов сигаретного пепла, вполне мог считаться рабочим порядком.

Стоял душливый август, во второй половине. Оба моих окна были распахнуты настежь, несмотря на ос и мух, нет-нет да и залетающих со двора. Около трех я выключил компьютер, полез в холодильник, отыскал пакет белого вина и сразу налил почти полный стакан.

Награду я честно заслужил: четыре страницы с восьми утра — это вам не жук начихал. Не всякий день складывается так удачно. Половину вина я проглотил залпом, а затем закурил, навалился животом на горячий подоконник и высунулся наружу.

Именно в этот момент во двор бесшумно вкатил открытый жемчужно-серый «Эм-Джи» с господином в ослепительно белой тенниске за рулем. Словно напрямик с набережной средиземноморского курорта. Водитель, оказавшийся совсем небольшого роста и почти лысым, заглушил двигатель и выбрался из машины.

Я решил, что это один из клиентов ближайшего салона итальянской сантехники, но он уверенно пересек грузовую площадку и направился ко входу в полуподвал, где проживали мой приятель Яков и его жена.

Тут требуется уточнение. Говоря о том, что в нашем доме всего два этажа, я невольно погрешил против ис-

тины. Войдя во двор, вы с удивлением обнаруживаете, что этажей на самом деле больше, и дело тут не в рельефе, а в замысле архитектора, который умудрился, не нарушая пропорций, упрятать под верхние «господские» покои помещения для прислуги. Одно из них теперь служило складом дворничьего инвентаря, второе — с тех пор как сгинул самовольно вселившийся туда бродяга Долгич — пустовало, а еще две комнаты полуподвала принадлежали моему ровеснику незрячему Якову.

Слепой дворник — что-то вроде безрукого пианиста и звучит так же абсурдно, но только не в его случае. В своем жанре Яков был недосыгаем, лучше всех, кого я когда-либо видел с метлой и лопатой. Глазами ему служила жена, но чаще всего он в ней не нуждался, потому что знал свой участок на ощупь.

Владелец «Эм-Джи» позвонил, мой приятель вышел к нему голый до пояса, в трепаных джинсах с бахромой, и они почти сразу заговорили на высоких тонах. Потом приезжий полез за бумажником, и Яков, будто разглядев этот жест, гневно дернул локтем и отступил. Его узкое и всегда словно обожженное солнцем лицо потемнело еще больше.

Я удивился — мой приятель почти никогда не повышал голоса и вывести его из равновесия было не так-то просто. Лысая макушка приезжего, отороченная за ушами и на затылке рыжеватым пухом, порозовела. Он пожал плечами, развернулся и направился к выходу со двора, оставив машину без присмотра.

Мне пришло в голову, что его цель — парадный вход в наш особняк, и тут я не ошибся.

Детали разговора от меня ускользнули. Яков все еще стоял на месте, и я крикнул:

— Чего он хочет?

Яков повел подбородком в сторону окна на втором. Ему не требовалось объяснять, где я нахожусь.

— Говнюк! — с чувством ответил он.

— Что? — удивился я. За три десятилетия мне всего несколько раз приходилось слышать от него такие вещи.

— Этот говнюк хочет получить список жильцов. А заодно все, что я о них знаю или слышал когда-то. Слабые места, понимаешь?

— Зачем?

— Ему понравился дом, ясно? Он тут, видишь ли, проезжал, и ему приглянулась архитектура. Рыжий сукин сын!

— Откуда ты знаешь, что он рыжий?

Яков остыл уже настолько, чтобы ухмыльнуться.

— От рыжих пахнет по-другому. Тут уж не ошибешься. Никакая косметика не поможет. Что у него за машина? — внезапно спросил он.

— «Эм-Джи», родстер. Открытая.

— Ого! — Яков повернул слепое лицо в сторону автомобиля, мирно соседствовавшего с парочкой мусорных контейнеров и битыми «Жигулями» моего приятеля Аркаши, и добавил: — Между прочим, он пошел по квартирам. Начиная с первого этажа. Представляешь, что тут сейчас начнется?

Я представлял.

Эпоха расселения коммуналок в деловом центре города была еще на слуху и успела обрасти мифами и легендами, почти всегда пугающими и жуткими. Местные медиа знай себе подливали масла в огонь. Но в появлении озабоченного рыжего с его дорожкой спортивной машиной не было на первый взгляд ничего опасного, хотя я отлично понимал тревогу Якова. Перспектива переселения, пусть даже и в настоящую квартиру, означала для него катастрофу,

крушение целого мира, в котором он был как все — то есть ориентировался не хуже любого зрячего.

Тут Якова позвала жена. Он рассеянно помахал мне и спустился к себе: три ступени вниз от уровня фундамента.

Представлял я также, как поведут себя другие жильцы. Вплоть до того, что мог бы дословно воспроизвести содержание их переговоров с рыжим.

Одинокая пожилая дама из угловой комнаты на первом даже не сможет встать, чтобы открыть дверь. Какие уж тут переговоры. Моя соседка Клабочка, которая по доброте душевной присматривала за лежащей больной, как-то назвала ее звучную фамилию, но я ее не запомнил. К даме, не считая Клабочки, заглядывают только вечно озабоченные старухи, злоупотребляющие косметикой, а где-то в Москве, по слухам, проживает ее единственный внук.

Дальше, в глубине коридора, две-три комнаты, обитателей которых я не знаю. Ничего удивительного — это самый темный и запущенный угол дома. Здесь все вопросы решаются просто.

Что касается Аркаши, то он будет счастлив, возможно, впервые в жизни. Шутка ли — наконец-то вырваться из двух крохотных, пропахших кухонными миазмами клетушек, похожих на отделения в школьном пенале! В его жилище единственное окно выходит в стену школы для глухих, а водопроводная раковина прогнила. У Аркаши на шее великовозрастный бездельник-сын, а заработки программиста, пусть и с ученой степенью, не так уж велики.

Юрочка Шепелев... Здесь проблема. Не очень-то я приглядывался к этому круглолицему парню с колючим взглядом, рано начавшему полнеть. В наш дом он вселился в процессе сложного обмена с несколькими перепродажками жилья, да так и застрял. А пару лет назад Юрочка взял и исчез — по словам жены, пошел на угол за сигаре-

тами и не вернулся. Женищина дважды подавала в розыск, но безуспешно. И тем не менее даже без Юрочки, где бы он ни был, она готова сделать самостоятельный шаг и охотно расстанется со старым жильем.

Поднявшись на второй, рыжий господин сразу же направится в дальний конец коридора, где, прислонившись полным бедром к широкому подоконнику, покуривает Вика Ковтуненко. Бронированная дверь ее прихожей плотно прикрыта, у себя она не курит, а выходит к давно не мытому торцевому окну, где всегда стоит консервная банка, полная окурков.

Вика своего не упустит. Торг будет ожесточенным, и в конце концов она добьется чего хотела — по максимуму. Она же предоставит покупателю исчерпывающую информацию о каждом, кто проживает в особняке; при этом на ее лице, пока господин не спустится вниз, будет сохраняться выражение поруганной невинности.

Единственный, о ком Вика ничего не сможет сказать, — старик Омбелев, комната которого расположена прямо напротив моей и в данный момент заперта. Алексей Григорьевич умер в начале лета, а Клавочка, прожившая с ним пятнадцать лет в гражданском браке, после похорон собрала свой нехитрый скарб и покинула особняк, оставив мне ключи от их жилища.

С комнатой Михаила, еще одного из друзей времен моей юности, рыжему тоже придется попотеть. Она пустует уже несколько месяцев — уезжая, Михаил продал ее кому-то, и с тех пор новый владелец так и не объявлялся. Выяснить, кто этот загадочный субъект, — задача не в три действия.

Я думаю, только двоим в этом доме все равно где жить — мне и одинокой лежащей даме с ее инсультом. И это несмотря на то, что именно здесь я родился почти полвека назад — буквально, так как все началось на-

столько стремительно, что мама просто не успела добраться до роддома, а отец был на работе. Появиться на свет мне помог фельдшер «скорой». Теперь моя мать живет далеко, в деревне над озером за полторы тысячи километров отсюда. Сестра с мужем постоянным местом жительства считают городок Бисмарк в Северной Дакоте, где также имеются озера, если судить по карте, но совсем другие. Звонит она редко и еще реже прибегает к услугам электронной почты. У моей бывшей жены новый муж, а детей мы предусмотрительно не завели.

Так что я всегда готов отправиться на все четыре стороны.

Да, чуть не забыл упомянуть о Майе — рыжий, скорее всего, уже побывал и в ее трех комнатах на первом. Гера, надо думать, пусть и не сразу, но уговорит ее переехать. Делать нечего... Хотя до сих пор, когда я вижу, как она моет окно, стоя на подоконнике, наклоняется и сверкает молочной белизной из-под легкого халатика, у меня сжимается сердце.

Но теперь такие симптомы уже почти ничего не значат. А пишу это я только потому, что жизнь, как бы плохо о ней ни думали, это не то, от чего можно отказаться.

АВТОГРАФ

«...Урожай этого года собирали скворцы и осы. Остальное осыпалось, прело, бродило, пузырилось на жаре. По ночам из садов доносились тяжелые вздохи насыщенной спиртами фруктовой пульпы, хряск рушащихся под тяжестью плодов веток и беспрестанная грызня бродячих собак. Псы, надо полагать, чумели от испарений.

Ближе к закату, когда жара пошла на убыль, на площадь перед зданием администрации вышел усатый гаишник

в погонах хорунжего. Оглядев территорию из-под густых и клочковатых, как трава на краю болота, бровей, хорунжий пустил в ход имевшуюся при нем дворницкую метлу. Метла была щегольская — из ярко-оранжевого полипропилена, с эргономической рукоятью, и вдобавок совершенно новая, прямо из супермаркета. Однако ни хорунжему, машущему инструментом, как пьяный косец, ни участковому в чине подъесаула, брезгливо носившему за хорунжим совок, никакой особой радости от этого не было. Мусор тоже был банальный — ни тебе обертки от «сникерса», радующей глаз, ни окурка, ни растоптанной банки из-под «спрайта» — одни купюры национальной валюты, в большинстве крупные, с длинным хвостом нулей...»

Ей-богу, до сих пор не знаю, какое отношение все это могло иметь к появлению рыжего по фамилии Бышевецкий в нашем особняке и грядущему исходу жильцов.

Целую неделю я проносился, как с писаной торбой, с этой ирреальной историей, пока она не достала меня так, что пришлось сесть и записать подробности. Суть сводилась к следующему. В некий день население небольшой южной постсоветской державы, граничащей с Евросоюзом, вдруг взяло и покинуло обожаемый хартленд. Миллион триста восемьдесят тысяч человек абсолютно легально перешли границу Шенгенской зоны, причем с места их подняло не стихийное бедствие, не галопирующая инфляция, не эпидемия коровьего бешенства, а братски протянутая рука родственного народа, комфортно устроившегося по ту сторону кордона. Кровные родичи, не ведая, что творят, приняли возмутительно либеральный закон, гарантировавший предоставление гражданства и материальной помощи любому лицу, способному документально подтвердить свою этническую идентичность.

Где-то так. Дальнейшее вы и сами представляете. Добавлю только, что воспользоваться открытыми на границе

коридорами не смогли всего полтора процента туземного населения. Ясно, о ком речь, но и среди них нашлись коллаборанты и предатели, готовые добровольно сдаться агрессивному блоку.

Закончил я во втором часу. Выключил компьютер, опустил пепельницу и прикрыл створку окна — из махровой черноты августовской ночи на свет настольной лампы перла всякая экзотическая живность. И не подумаешь, что такое может водиться в самом центре города.

Уже возвращаясь к столу, я внезапно застыл посреди комнаты в полной уверенности, что за моей дверью кто-то стоит. Ничего подозрительного, на чем могла бы основываться такая уверенность, не было, но затылок у меня слегка озяб — тем более что дверь с вечера оставалась незапертой.

Стараясь ступать бесшумно, я приблизился и наострил уши. В общем коридоре было тихо. Настолько тихо, что до меня донеслись отголоски свары экспертов из ночной политической программы: у кого-то еще работал телевизор.

Я распахнул дверь так неожиданно, что Майя отшатнулась и быстро спрятала руки за спину.

Вот уж кого я не ожидал здесь увидеть. За все эти годы — а их набралось уже немало, она ни разу не переступала порог моего холостяцкого жилья.

— О! — сказала Майя, прикусывая губу и глядя прямо на меня. — Извини!..

Я не стал дожидаться, пока с ее щек сойдет румянец. Развернулся, внезапно осипшим голосом произнес: «Проходи», — и отправился за рубашкой. Шорты и шлепанцы для столь позднего приема гостей, может, и годились, но только не в нашем с ней случае.

Майя села, выпрямившись и продолжая держать руки за спиной. Ни малейшего любопытства к тому, что ее окружало, — она казалась напряженной и глубоко сосредоточен-

ной, и пока я возился за шкафом, ни разу не пошевелилась. Легкое платье из зеленоватой шелковистой ткани туго обтягивало круглые колени. Слегка подкрашена, на запястье тяжелый туркменский браслет с сердоликом, светлые волосы свободно вьются. За последние годы она заметно пополнила, но черты лица, наоборот, стали тоньше, суше, и в прозрачном взгляде появилось что-то от умной козы.

Я все еще не мог собраться с мыслями и молча ждал, пытаюсь понять, что все это значит. Как она оказалась здесь, если двери с лестницы в общий коридор второго этажа на ночь запираются? Ключа у Майи нет и быть не может — они с мужем и дочерью живут на первом. Все это были второстепенные вещи, но при таких обстоятельствах вы обычно зацикливайтесь на самом незначительном. Я так и не добрался до вопроса — зачем ей вообще понадобилось сюда приходиться?

— Ты, как всегда, один, — наконец произнесла она. Так, будто ей это и раньше не было известно. Удивительно, но голос у нее совсем не изменился.

Я молча кивнул, давая понять, что не расположен развивать эту тему, и спросил:

— Как насчет глотка вина? Есть вполне приличное шардоне. Может, самую малость кисловато.

Майя пожала плечами. Я истолковал жест как согласие и направился к холодильнику. Когда я вернулся с початой бутылкой и двумя бокалами, на столе, который я только что расчистил, лежала тощая книжонка в бумажном переплете.

Так вот что она прятала за спиной!

Книжка была первой из тех, что мне удалось опубликовать. Всего четыре рассказа. Вышла она в самом конце восьмидесятых. Случай свел меня с одним уже тогда разбогатевшим господином, который возомнил себя писателем. Времени на это хобби у него было в обрез, поэтому все свои творения он наговаривал на диктофон. Иногда под